

жется, что эта линия устремлена в бесконечность. У беспредельности нет конечного предела, но есть «предел» бесконечный, если саму беспредельность интерпретировать как предел. Следовательно, нет предела совершенствования, по крайней мере, трех видов бытия: бытия общества, бытия человека и бытия культуры.

Поступила в редакцию 15.01.2008

Литература

1. Быстрова А.Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). Новосибирск, 2004.
2. Лосев А.Ф. Философия культуры // Дерзание духа. М., 1988.
3. Каган М.С. Диалектика бытия и небытия в жизни человеческого общества // Личность. Культура. Общество. 2–3. Т. V. Вып. 1–2 (15–16).
4. Быстрова А.Н. Мир культуры (Основы культурологии): Учебное пособие. М., Новосибирск, 2002.
5. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 2002.
6. Пятигорский А., Мамардашвили М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1997.
7. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 2003.
8. Быстрова А.Н. Специфика взаимодействия культуры и истории: Философский аспект // Вестн. Томского гос. ун-та. Серия: Философия, культурология, филология. 2004. Вып. № 282.
9. Мелюхин С.Т. Пространство и время // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
10. Кармин А.С. Культурология: культура социальных отношений. СПб., 2000.
11. Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12.
12. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.
13. Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.
14. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: В 3 т. М., 1986.
15. Лой А.Н. Социально-историческое содержание категорий «пространство» и «время». Киев, 1979.
16. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие. М., 1993.
17. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
18. Конев В.А. Онтологические особенности мира человека. Самара, 2003.
19. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
20. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
21. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.
22. Хаусхофер К. Границы в их геополитическом значении // Классика геополитики. XX век. М., 2003.
23. Ratzel F. Erde und Leben. Leipzig; Wien, 1901. Bd. II.
24. Фихте И.Г. Избранные соч. М., 1916. Т. 1.
25. Стругацкий А., Стругацкий Б. Пять ложек эликсира // За миллиард лет до конца света. М.; СПб., 2007.

УДК 008+304.2+130.2

М.С. Горбулёва

МОДЕЛЬ МНОЖЕСТВЕННЫХ ВОПЛОЩЕНИЙ СИМВОЛА В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ СИМВОЛИЗМА МЕЧА)

Томский государственный педагогический университет

Принято считать, что культура связана только с позитивными устремлениями человека. Эта позиция, в частности, была выражена Н. Бердяевым [1, с. 146–163] в утверждении таких целей культуры, как Истина, Добро и Красота. В этом контексте орудия казни, атрибуты войны и примеры непристойностей к феномену культуры отнесены быть не могут. Вместе с тем в культурологиче-

ских исследованиях упомянутые явления находят рассмотрение. Однако в фокус культурологического рассмотрения эти феномены попадают не сами по себе, а как знаковое воплощение определенных реалий жизни людей, по которым реконструируют как картину мира человека ушедшей эпохи, так и специфику диахронических трансляций.

Мой исследовательский интерес связан с пониманием места и роли меча как в современной культуре, так и в предшествующих ее эпохах. Уверена, что не будет большим преувеличением отнести меч к наиболее символически нагруженному виду оружия. Причем с течением времени меч приобретал все больше слоев интерпретаций: ритуальных, эстетических, религиозных, социальных etc. Семиотическая многомерность меча и вызывает интерес к нему не только как разновидности холодного оружия, но и как полисемантическому символу, который на протяжении истории человечества мог означать мужество, силу, справедливость, статус и веру.

В настоящее время меч не выполняет утилитарных функций, не является частью костюма, но присутствует в повседневности большого числа людей, будоража их ум и память. Конечно, в современности меч присутствует в культуре в качестве символа. Остается понять, какие фрагменты культурного мира выражает меч сегодня и в какие смыслы пытается взглянуть человек, держа в поле своего зрения меч.

Меч в прошедшие исторические эпохи обладал различными формами и характеристиками в зависимости от области применения.

По предназначению можно разделить мечи на повседневные (военные, гражданские) и мечи для особых случаев и ритуальные (парадное оружие, церемониальные, наградные, турнирные мечи, мечи для казни, охотничьи мечи).

Также можно выделить следующие назначения меча на протяжении истории: практическое (боевая, утилитарная), религиозно-ритуальное (использование меча в ритуалах, церемониях), символическое (меч мог означать война, высшее сословие, силу, войну, справедливость, суд, слово etc.) [2, с. 214–216], социальное (меч могли носить только свободные граждане определенного статуса и достатка), статусное (по оружию зачастую можно было много узнать о владельце, его положении в обществе, иерархии) [3, с. 181–195], эстетическое (наградное оружие – произведения искусства, эквивалент вкуса, богатства) [4, с. 127–140].

Сегодняшняя картина в отношении представлений о мече, его символике и функциях прорисовывается не совсем ясно. Вместе с тем резко возрастает популярность холодного оружия, что подтверждается большим числом молодежных субкультур, использующих меч.

Ярким примером символики меча можно считать и фехтование – как непосредственное владение холодным оружием, например мечом, шпагой, рапирой, палашом или саблей. В былые времена шпага и ее применение было неотъемлемой частью повседневности. В наше время для людей нет необходимости носить при себе ту же шпагу для це-

лей самообороны, подчеркивания собственного статуса, свободы, наконец, ради эстетики. Однако фехтование находит своих поклонников и отклик у многих людей современности. Люди интересуются историей фехтования и холодного оружия, теорией и практикой поединка, символикой и культурой обращения с мечом. Сегодня стало популярным историко-ролевое направление фехтования (причем как европейские, так и восточные школы). Кроме того, уже давно развивается спортивное фехтование. Любители сценического, национального фехтования создают клубы, проводят соревнования. Увлечение коллекционированием холодного оружия, в частности мечей, интерес к разнообразной литературе (научная, историческая, художественная), компьютерные и настольные игры, произведения кинематографа – все это можно назвать «пассивным» фехтованием, когда люди сознательно проявляют интерес к феномену меча. Еще один вид – терапевтическое фехтование – новинка в психотерапии.

Наблюдение за феноменом популярности в молодежной среде разновидностей холодного оружия позволило предположить, что именно определенное понимание символики меча моделирует поведение индивида в той или иной субкультуре. С целью проверки своего предположения была разработана стратегия социологического исследования, концепция которого была мной изложена [5, с. 89–91] и реализована.

Анализ полученных результатов социологического исследования с целью выяснения особенностей восприятия современным человеком символики меча позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, рецепция символики меча основывается на ряде историко-культурных ассоциаций, к ним относятся вторичные семиотические системы, живущие в социальной памяти. В своем большинстве эти ассоциации связаны с тиражируемыми в социальной действительности символами Средневековья и образами национальных культур Франции, Германии, Англии и Турции. Ассоциативный ряд опирается на метафорическое выражение статуса человека в ушедших культурных эпохах (например, разбойник, всадник, воин, элита, аристократ); на знаковые формы духовных и физических качеств (ловкость, скорость, хитрость, коварство, храбрость, смелость, опасность, хладнокровие); на фигуральное воплощение высоких понятий (доблесть, честь, сила, отвага, мощь, благородство, мужество, дух); на эстетические категории красоты, изящности, грации и утонченности. Немалую роль в современных ассоциациях холодного оружия играют литературные герои, среди которых в основном респонденты указывали на короля Артура, Д'Артаньяна, Атоса, Портоса, Арамиса и Дон Жуана. В восприятии меча участники социологичес-

кого исследования отмечали аналогии с определенными действиями (защита и атака) и ситуациями (состязание, поединок, соревнование, спортивное соревнование, война). Респонденты выстраивали ассоциативный ряд холодного оружия с такими предметами, как ятаган, меч-кладенец, Эскалибур, игла, трость, луч, и животными – лев, рыцарский конь, орел. Вся приведенная система ассоциаций может свидетельствовать о романтизации самобытных эпох культуры и отсутствии в современной реальности адекватной замены полисемантического символа меча.

Во-вторых, многообразные обращения к мечу дают возможность проследить те его функции как феномена культуры, которые оказываются востребованными современным человеком.

Функция погружения в историю, другие миры. Символика меча транслируется через время. Зачастую современный человек, увидев, к примеру, шпагу, соотносит возникающие образы с мушкетером, лошадьми, дуэлью. Обращение за историческими примерами и аналогиями позволяет говорить о возврате в соответствующее время, эпоху. Эта же функция меча работает и в фехтовании, дает возможность не только на духовном, эмоциональном уровнях, но и в действительности ощутить историю в ролевых играх.

Функция групповой эксклюзивности выражается в символе оружия как знака ордена, религиозной организации, тайного общества [3, с. 181–195; 6, с. 190–194]. В этом проявляется стремление отделить себя от большинства, создавая и подчиняясь своим правилам и кодексам.

Эстетическая функция проявляется в том, что традиционно меч воспринимался не только как вид оружия. Многие воины воспевали красоту и даже «личностные» качества своих клинков [4, с. 105–109]. Возможно, благодаря этому и фехтование рассматривалось как искусство (например, искусство владеть собой, владеть оружием, владеть ситуацией и поэтому успешно выстраивать бой).

Функция культурной идентификации определяется происхождением меча, его принадлежностью к определенной культуре. Примером могут служить различные трактовки прямого меча, связанные с европейской традицией выражения креста, и сабли, воплощающей восточную традицию выражения полумесяца [2, с. 215]. Предпочитая определенный вид оружия или занимаясь каким-либо видом фехтования, человек соотносит себя с какой-либо социальной, культурной группой, ассоциирует себя с предками. Здесь есть место и выражению *воспитательной функции*, поскольку символика меча складывалась от поколения к поколению и наследовалась вместе с мифами и легендами о великих войнах и героях, мужестве, храбрости, досто-

инстве и других качествах и свойствах человека, обладающего мечом. В конце концов, символика меча стала подразумевать под собой и человека, обладающего мечом, соответствующего данным характеристикам. Воинов воспитывали в определенной атмосфере, они проходили череду обрядов, посвящений, преодоление которых означало, что человек достоин обладать мечом, а следовательно, обладает личностными качествами и принадлежит иерархическому социальному слою, обозначаемому символикой меча. Это требовало от человека приложения усилий как физических, так и морально-волевых, духовных, стремления к самосовершенствованию. Таким образом, меч как атрибут статуса и геральдический знак фиксирует определенный уровень *самореализации* человека.

На основе приведенного здесь краткого перечисления результатов анализа социологического исследования можно сделать вывод о том, что меч не только не утратил символического значения, но и увеличил толщину слоев своего полисемантизма. Это вскрывает парадоксальность ситуации: чем больше меч теряет свое утилитарное значение, тем больше возрастает его влияние как символа. Известно, что меч был одним из первых видов холодного оружия, модификации которого лежат в основании дальнейших его разновидностей: ятаган, сабля, палаш, рапира, шпага etc. Однако вся эта множественность видов холодного оружия в настоящее время воспринимается как одна вещь – меч. Это ставит проблему расшифровки результатов историко-культурной трансляции меча именно в качестве символа, что, в свою очередь, выдвигает задачу поиска релевантных способов расшифровки. Иными словами, для понимания причин воздействия символизма меча на современного человека, приводящего к образованию разнообразных молодежных субкультур, необходим выбор методологических средств, способных, с одной стороны, вскрыть механизмы семиотических трансляций, а с другой – способных упорядочить выявленные в социологическом исследовании функции меча как символа.

Релевантным поставленным исследовательским задачам стала концептуальная модель семиотической динамики, созданная в рамках информационно-синергетического подхода, разработанного И.В. Мелик-Гайказян [7–10].

Методологическая стратегия, избранная мной для решения представленных выше задач, опирается на ряд положений информационно-синергетического подхода. К ним относятся следующие: 1) все процессы, происходящие в социокультурных системах, имеют информационную сущность; 2) знаковые формы образуются в качестве результатов определенных стадий информационного процесса, разворачивающегося в социокультурных

системах, обладающих всеми свойствами сложных открытых систем; 3) имеется четкая взаимосвязь между формами культуры и культурными функциями. В работах И.В. Мелик-Гайказян [7, 8] представлена модель информационного процесса, отве-

чающего идеи А.Н. Уайтхеда о существовании процессов «перехода»¹, детерминированных результатами «сращения»² как телеологического процесса [12, с. 205–249]. На рис. 1 приведена данная модель [7, с. 41].

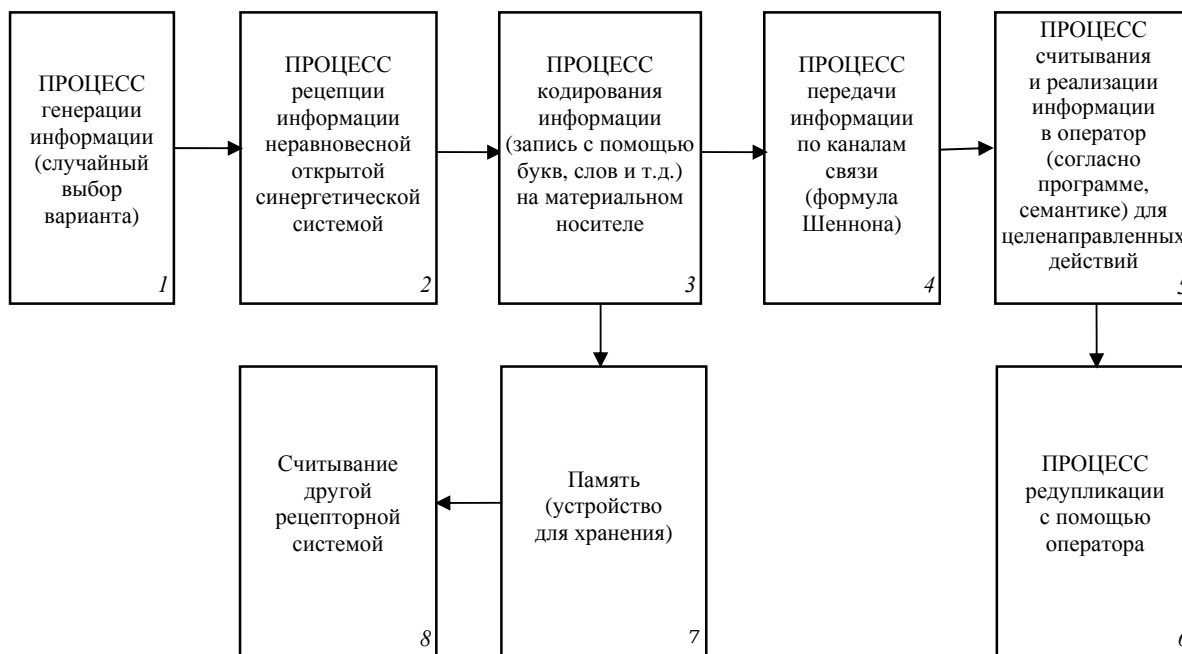

Рис. 1. Модель информационного процесса, соответствующего выделенному А.Н. Уайтхедом виду детерминированных процессов, – «переход»

Эта модель стала основанием для проведенного И.В. Мелик-Гайказян концептуального обобщения работ Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, в которых устанавливался семиотический механизм культуры. На рис. 2 изображена модель, в которой слагаемые семиотического механизма культуры, выделенные Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским, сопоставлены со стадиями информационного процесса. Необходимо обратить внимание, что блоки 1 и 2 на рис. 1 соединяются в модели (рис. 2) в один блок, что раскрывает морфологию «устройства», вырабатывающего, по мысли Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, в культуре значимую информацию. Процесс передачи информации (блок 4, рис. 1) в социальной действительности становится механизмом, образующим социальную структурность, которая становится результатом трансляции определенных идей в реальную практику. Символ становится оператором социального действия (блок 5, рис. 1 и блок 4, рис. 2). Процесс редупликации способов поведения, культурных стереотипов (блок 6, рис. 1)

соответствует выработке моделей поведения человека, которые устанавливаются в каждой самобытной эпохе (блок 5, рис. 2). Продуктивность для культурологических исследований такого подхода, устанавливающего знаковые формы культуры в качестве результатов элементарных стадий информационного процесса, обсуждалась в нескольких работах [13–15]. Эта модель (рис. 2) стала базовой для проведения многих междисциплинарных культурологических исследований, поскольку она открывает возможности как установления границ различных интерпретаций одного феномена, так и установления корреспонденции форм культуры и функций культуры [10, с. 176–208].

Опираясь на приведенные модели (рис. 1 и 2), удастся расшифровать семиотическую трансляцию символа меча, проявления которой были мною обнаружены в результатах социологического исследования. Во-первых, становится очевидной множественность воплощений в знаковые формы рассматриваемого символа. Оформление этой множес-

¹ Понятие «переход» соответствует понятию Локка – «постоянно прекращающийся», которым А.Н. Уайтхед выражает механизм действующей (efficient) причины, которая есть сила «бессмертного прошлого» [11, с. 296].

² «Сращение» в трактовке А.Н. Уайтхеда восходит к понятию «conspicence», используемому Локком для обозначения реального внутреннего конституирования новой вещи.

Рис. 2. Стадии информационного процесса в социокультурных системах (пунктирными линиями показаны направления воздействий на человека)

твенности происходило (и продолжает происходить) за многовековую историю меча. Меч становится знаком идеологий и религий, что фиксируется в вербальных формах «карающего меча» [16, с. 296–298], «меча правосудия», «щит и меч» etc. В структурности холодного оружия меч занимает верхнюю иерархическую позицию, кодируемую выражением статуса. Меч становится оператором молодежных субкультур, которые избирают его в качестве символа своей эксклюзивности. Однако следует отметить, что в настоящее время отсутствует та социальная структурность, которая соединяла утилитарную и символическую основы использования меча. Этот разрыв выражается в том, что наиболее актуальными для восприятия меча современным человеком становятся две стадии семиотической трансляции: кодирование ментальных (и идеологических) оснований, воплощаемых в мече, и оператор социального действия. В свою очередь, стадия кодирования определяет наполнение культурной памяти. Таким образом, в настоящее время меч воспринимается как обозначение социального мифа (блок 6, рис. 2) и в качестве символа модели поведения человека, имеющего право обладать мечом (блок 5, рис. 2). Культурные формы социального мифа и модели поведения связаны, соответственно, с двумя функциями: компенсаторной (как способа ухода от реальности) и адаптивной (как способа приспособления к реальному миру). Выявленные в ходе социологического исследования функциональные особенности меча в

современности – погружения, групповой эксклюзивности, культурной идентификации, эстетической, воспитательной и самореализации – должны быть, согласно обсуждаемым моделям, отнесены к выражению либо компенсаторной, либо адаптивной культурных функций. Анализ ассоциативных рядов и культурно-исторических аналогий, определяющих восприятие символики меча современным человеком, позволяют трактовать способы достижения групповой эксклюзивности, погружения, культурной идентификации как выражение действия компенсаторной функции. Воплощением адаптивной функции меча в качестве феномена культуры (как и во времена миновавших эпох) остается восприятие эстетических, воспитательных потенциалов данного символа, а также возможности самореализации. Это позволяет сделать вывод, что в молодежных группах, объединяющим основанием для которых является неудовлетворенность наличным существованием, актуализируется романтическая и мифическая интерпретации символики меча. Те же молодежные страты, в которых доминирует стремление адаптации к настоящему, обращаются к символизму меча в практически неизменном его семантическом наполнении, что подтверждается еще одним обстоятельством: для этих молодежных групп меч и фехтование представляют целостное явление.

Таким образом, в современности меч как феномен культуры обладает своей уникальной символикой, сложившейся с течением многих столетий

под влиянием различных ментальных оснований культур. Также феномен меча проявляется в различных социокультурных функциях, сводимых к двум основным – компенсаторной и адаптивной, с

помощью которых происходят коррекция и регулирование поведения индивида в современной культуре.

Поступила в редакцию 24.01.2008

Литература

1. Бердяев Н.А. Воля к жизни, воля к культуре // Смысл истории. М., 1990.
2. Баешко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М., 2007.
3. Ведюшкин В.А. Представления о знатности в испанских трактатах конца XV – начала XVII вв. // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989.
4. Окшотт Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Пер. с англ. М.К. Якушиной. М., 2004.
5. Горбулёва М.С. Символично-ритуальные характеристики меча в современной культуре // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2007. Серия: Гуманитарные науки (Философия).
6. Гуревич А.Я. Избранные труды: В 4 т. Т. 2. СПб., 1999.
7. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ), Томск, 1995.
8. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
9. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
10. Мелик-Гайказян И.В. и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005.
11. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990.
12. Whitehead A.N. Process and Reality. N-Y, 1969.
13. Жидков В.С. Попытки системного взгляда на культуру // Системные исследования. Методологические проблемы. Вып. 25. М., 1997.
14. Жидков В.С. Эволюция культуры: системный подход // Системные исследования. Методологические проблемы. Вып. 27. 1998.
15. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы. Томск, 2007.
16. Berman J. The «Sword Of Mouths» (Jud. 3:16, Ps. 149:6, Prov. 5:4) A Metaphor And Its Ancient Near Eastern Context // Vetus Testamentum. LII. 3. Leiden, 2002.

УДК 130.2+303.732

А.Н. Кочергин

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Появление глобальных проблем выдвинуло на передний план такую философскую проблему, как поиск адекватной современному миру теоретической интерпретации феномена культуры. Научно-техническая революция вносит глобальные изменения в жизнь общества, порождая специфические противоречия общественного развития. Эти противоречия вызываются, в частности, нерациональным использованием научно-технических достижений, зачастую направленным не на благо человека, а во вред ему. Возрастание масштабов деятельности человека делает ее сравнимой с геологической силой. Создание «искусственного интеллекта» открывает новые возможности для развития науки и практики. Все это заставляет пересматривать устоявшиеся мировоззренческие стереотипы, сопоставлять природное в жизнедеятельности общества с тем, что имеет неприродное происхождение, оценивать феномены научно-технического прогресса с точки зрения их последствий для человека.

Для возможно более полного выражения названных проблем категория культуры оказалась наиболее подходящим концептуальным средством. Поэтому не случайно, что определение культуры, согласно которому она есть все то, что создано человеком, в отличие от того, что создано природой, оказалось самым распространенным. Характерны в этой связи и названия работ, затрагивающих «больные» вопросы нашего времени: «Две культуры» Ч. Сноу, «Культура и этика» А. Швейцера и др. Кроме того, потребности социальных исследований требуют развития соответствующего теоретического базиса, что, в свою очередь, приводит к тому, что понятия, ранее использовавшиеся в неотрефлексированном виде, подвергаются интенсивной теоретической обработке. Понятие культуры относится к числу именно таких понятий, которые традиционно фигурировали в различных областях социального познания до начала современной научно-технической